

В ПОИСКАХ МЕТАТЕОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье проведен анализ парадигмальной структуры современной психологии. Для повышения эффективности психологического знания, особенно в его практическом приложении, предлагается интегративный подход в качестве способа формирования метапсихологии. Обсуждаются проблемы, связанные с трудностями реализации интегративного потенциала постнеклассической психологии.

Ключевые слова: Предмет психологии, парадигма, теория, метод, объяснение, интеграция, практика, постнеклассическая психология

Abstract. The article analyzes the paradigmatic structure of modern psychology. To increase the effectiveness of psychological knowledge, especially in its practical application, an integrative approach is proposed as a way of forming metapsychology. The problems associated with the difficulties of realizing the integrative potential of post-nonclassical psychology are discussed.

Keywords: Psychology subject, paradigm, theory, method, explanation, integration, practice, post-non-classical psychology.

Мы уже не раз писали о том, что существуют базовые схемы объяснения, зависимые от парадигмы исследователя и его представлений о предмете психологии. Выделив пять основных парадигм в понимании, представлении и объяснении предметной области психологии (физиологическую, психоаналитическую, бихевиористическую, экзистенциально-гуманистическую, трансперсональную), мы показали их историческую преемственность и содержащуюся в них стратегию расширения толкования самой психической реальности [3, 4, 6, 8, 9].

В отношении объяснения психического они были осмыслены нами как способы моделирования, конструирования самой психологии как теории и как метода.

Как представляется, одновременно они являются универсальными способами *проблематизации* предмета психологии в профессиональном сознании психолога, способом втягивания в мир своеобразия представлений о психическом на индивидуально-психологическом профессиональном уровне мышления и корпоративной договоренности школ [7, 11, 15].

Этот процесс понимания предмета психологии создает также предпосылку для порождения сложнейших теоретических построений как бы в области знания, а также для попыток рефлексии некоторой территории психического как разумно мыслимой во вновь созданной категориальной системе новой парадигмы психологии.

Все парадигмы притяжали на целостность и универсальность в понимании психического и, наверно, таковыми и являлись на каких-то этапах процесса развития психологической науки. Более того, таковыми они и являются в мышлении и понимании представителей этих парадигм на сегодняшний день,

обладая определенной мерой достаточности в объяснении, исследовании и практике.

Теоретические представления, которые формировались на различных стадиях развития психологии, возникают вместе с возникновением самих представителей этих парадигм и обусловлены множеством факторов, в том числе тем, как они объясняли реальность, их мировоззрением, доминирующими философскими и научными представлениями эпохи, духом времени [7, 12].

Все пять парадигм определены реальным бытием людей, которые их в конечном итоге содержательно оформляли. И они ими разумелись как истина, и притом как вся, как полная правда и красота. Объяснительные модели, которые рождались и формировались внутри парадигм, переживались в профессиональном мышлении психологов как чрезвычайные открытия – творческие продукты их индивидуального сознания не меньшей интенсивности и полноты, чем мистические откровения в духовных традициях о божественном.

Описывая структуру *Самости* и процесс индивидуации, К.Г.Юнг отсылает читателя к Ипполиту: “познание Бога есть совершенная целостность”. Если душа человеческая и есть “Божество внутри”, то, на мой взгляд, все достаточно крупные открытия психологии имели именно такой характер, и они имели целостный характер соприкосновения со своей душой как пределом полноты и были связаны с тем упоительным умилением-ликованием духовного пробуждения, который сопровождает творчество, научное открытие, мистический опыт [7, 8].

Мы не можем говорить о пяти парадигмах психологии как о таких способах объяснения, которые будто бы вообще не содержат в себе ничего истинного, хотя логика развития науки всегда строилась на каком-то отрицании. Более того, мы убеждены в том, что истины психологического знания они содержат в себе как личное переживание-откровение.

Но каждому психологу, который начинает свою карьеру, такое это истинное еще только предстоит найти. И я не уверен, что это истинное мы можем понять путем некоторого эволюционного развития при помощи ментальной рефлексии, как обычно предполагается, поднимаясь со ступени на ступень то ли по гносеологической лестнице, то ли по спирали, то ли по линейной траектории.

Это истинное надо прожить, сделать свое внутреннее понимание-объяснение-открытие «Вот оно как» и любые парадигмальные объяснения, теории, метафоры являются методом нашего исследования и истинное, чего мы жаждем как результат нашего поиска, лежит внутри каждой из прежних теорий.

Суть заключается в том, что *приведенные способы объяснения предмета психологии не исключают друг друга, но являются способом развития и расширения охваченных территорий психического.*

Проблемы интеграции сознания личности. Актуальность проблемы интеграции сознания личности в условиях современных российских и, более

широко, постсоветских реалий определяется ролью и значением фактора личности в трансформирующемся обществе. Всеохватные социальные изменения порождают мощные стрессы, дисбалансы, невротизм, глубоко травмируют психику человека – вплоть до деградации и дезинтеграции личности.

В 21-м веке, к сожалению, традиционные мировые религии почти *утратили свои интегративные функции* – вместе с потерей современным человеком мистической ритуальной практики и веры.

Мистический опыт создает ситуацию, не только интенсифицирующую процесс духовного развития и психической интеграции, но и несущую функцию объяснения истины, соприкосновения с тайной бытия. Основные составляющие обрядов и мистерий, обуславливающие их эффективность, – переживаемые участниками действия изменения психики, имеющие интимный, сакральный и отчасти инсайтный характер.

Эффективность объяснительных моделей и методов *всех пяти парадигм* психологии *внутри* их собственной территории сомнений не вызывает, однако каждая из них далека от совершенства и универсальности; каждая из этих концепций структуры психики и самого процесса интеграции психики не может быть признана исчерпывающей. Тем не менее, каждая из парадигм или волн психологии, занимающихся проблемами психической целостности, по-своему определяет внутренний конфликт личности, формулирует задачи его устранения или компенсации и выстраивает методологическую канву объяснений, толкований, предлагает основу своих определений и формулировок и т.д.

Как мы уже не раз указывали, каждая из вышеназванных парадигм исповедует свою философско-методологическую и метатеоретическую доктрину – сейчас нет не только единой концепции психической целостности, но и меры терпимости или широты взглядов, достаточной для творческого переосмысления и применения в собственной практике достижений *своих коллег*, ведущих разработки в близлежащих областях или параллельных направлениях. Парадоксально, но достаточно очевидная комплиментарность парадигм самопознания не приводит к заметному объединению усилий сторонников этих парадигм!

При этом, с одной стороны, отличия методов и представлений здесь обусловлены даже не восприятием и отображением разных ракурсов единого созерцаемого, но различием манер и интенций вопрошания [12, 16].

С другой стороны, как для теоретической разработки проблем объяснения в психологии, так и для успешного *практического применения и продуктивного сочетания* методов восстановления психической целостности, необходима *интегративная методология*, учитывающая достижения школ и направлений психологической науки и вненаучных учений, но не сводящаяся к их синкретической компиляции.

Главным принципом, системообразующим элементом этой методологии должно стать интегративное объяснение процессов возникновения, развития, *акме* и смерти *психической реальности* во всем ее феноменологическом

многообразии, связи с сущностной природой человека, со структурой психики, со спецификой и динамикой автономных комплексов и паттернов бессознательного [4].

Интегративная процессуально-целостная рефлексия, экзистенциальные, аксеологические изыскания предваряют – и предопределяют – успешность исследовательских интенций и терапевтических усилий, направленных как на изучение проблемы развития психики в целом, так и на восстановление психической целостности каждого отдельно взятого человека.

Поэтому интегративный подход междисциплинарной методологии включает постановку и решение двух задач: с одной стороны – это обобщение и осмысление психологии в широком мировоззренческом контексте, с другой – выход к конкретным методикам и психотехнологиям.

Обобщающее осмысление, глубокий концептуальный анализ в сочетании с операциональностью, предполагают объединение усилий не только представителей всех парадигм психологии, но и философов, представителей духовных традиций и искусства, физиологов, психотерапевтов и других гуманитарных дисциплин.

Разработка основных подходов к интегративной методологии и построение ее теоретических объяснительных моделей могла бы служить как бы *коммуникативной сетью* для многих подходов в современной психологии и психотерапии.

Успешная реализация *проекта интегративной психологии* пополнила бы теорию и практику психологии, психотерапии новой методологией исследований различных форм психической реальности и, что очень ценно, стратегией восстановления психической целостности, намного более эффективной, чем набор тактик, лишь частично решающих проблему интеграции психики или компенсирующих последствия ее внутренних конфликтов. *Интегративный подход* может послужить на современном уровне науки в качестве *метапсихологии о принципах, на которых строится ее парадигмальная система* и решаются частичные психологические проблемы; в целом он, по-видимому, позволяет также раскрыть более общую философскую онтологию человека.

В целом интегративный проект в психологии может основываться также *на признании продуктивности интеграции не только основных парадигм, но и основных типов научной рациональности* (научной культуры, научной картины мира) в психологической науке.

Отталкиваясь от работ В.С. Степина, Л. А. Никитич, М.К. Мамардашвили и других авторов, можно выделить следующие четыре типа научной рациональности или научной культуры: 1) классическая рациональность; 2) рациональность, основанная на принципе эволюции и развития; 3) неклассическая; 4) постнеклассическая рациональность. Все они *предлагают свою картину мира*, включая картину внутреннего мира человека, но способ их «стереоскопического», «объемного» *совмещения*, в принципе возможного в переживаемый период времени, задан именно в *постнеклассической*

перспективе, что значимо в поиске путей «интеграции» психологического знания (В. А. Мазиллов, В.В. Козлов, А. В. Юревич).

Классическая, «ньютоновская» научная рациональность предполагает упор на идею универсального, абсолютного, однородного мира-пространства. Конечно, задать сферы какого-то единого мира пространства, куда входят детерминации всех типов в принципе не получалось. И, начиная с Декарта, над этим стилем мышления тяготело представление о наличии *двух и только двух слабо коррелирующих между собой и самодостаточных миров* (субстанция протяженная и субстанция мыслящая по Декарту). При этом на базе второго мира мы находим особый принцип осмысления «души» (душа и Я человека как «вещь мыслящая»). Тут находят объяснения свобода души и некоторые аспекты ее самодетерминации, в силу которых сознание познается из самого себя.

На базе же субстанции протяженной мы можем объяснить механически (телесно) детерминированные *рефлекторные акты* поведения человека. Дуалистизм двух субстанций Декарта получает у Лейбница развитие в более мягкой форме, с учетом принципа «предустановленной гармонии».

Идея *эволюции* и учет *фактора времени* и его неравномерного течения в развитии систем не присутствуют в этой картине «мира».

Достижением классики являются весомые *попытки осмысления сущности пространства в его связи с понятием «мира»* не только с математической и физической точки зрения, но и с *общефилософских* позиций. Уже в классической физике «мир» понимается как «пространство» явлений и событий, разыгрывающихся на базе универсальных детерминаций определенного типа (силы, массы, энергии и т.д.)

Лейбниц определял пространство как «порядок сосуществований» явлений в отличие от времени как «порядка их следования». Все это выливалось в идею о том, что пространство в его общем виде есть некое относительно регулярное, упорядоченное (по какому-либо закону) множество «сопряженно существующих» объектов любой природы. В современный период классическая научная рациональность представлена, как считается, в *необихевиоризме* и *когнитивной психологии*.

Второй тип научной рациональности, эволюционистский, базируется, по Л. А. Никитич, «на принципе эволюции и развития» [14, с.232] и вычленяется с позиций скорее *временной*, а не *пространственной* парадигмы научного знания (их четко различает, в частности, А. Дугин [2].)

В целом рациональность второго типа (Дж. Вико, Ч. Дарвин, Г. Спенсер и весь английский эволюционизм, гегелевские и марксистские концепции развития общества и т.д.) правильно вскрыла *неравномерность и неоднородность времени* развития систем (биологических, социальных и иных) и делала упор в своей картине мира на *временную* составляющую. Отсюда идея «историчности законов», смены эволюционного и революционного, скачкообразного пути развития, когда определенную роль может играть и прогнозирующий разум субъекта.

Эволюция *индивидуальной психики*, сознания тут связывается с эволюцией более глобальных систем – приспособительных форм поведения в животном мире, форм социальной жизни у человека. Но применительно к психике человека здесь возникает ряд противоречий (см., например, «теорию двух факторов»).

Л. С. Выготский, сформировавшийся как ученый в недрах рациональности второго типа, сумел найти новый ориентир, приведший к появлению *неклассической психологии*. Он «сделал шаг вперед по сравнению с Марксом, говоря не просто о «производстве» сознания, а четко выделяя два масштабно различных мира: «большой» мир культуры и «малый» психологический мир личности, связанные отношениями интериоризации/экстериоризации» [18, с. 114]. Их несопоставимость по своим масштабам ведет к признанию свободы («неопределенности») поведения индивида, лишь «ориентированного» культурой.

К числу создателей неклассической психологии Д.А. Леонтьев верно относит и одного из представителей экзистенциального психоанализа Л. Бинсвангера. Экзистенциалистская версия неклассической психологии также постулирует наличие взаимосвязи *двух различных по масштабам человеческих миров* – *локального* мира «фактического» существования индивида (некий аналог *микромира* в физике) и глобального бытия (аналог *макромира*), единство которых достигается через трансценденцию, реализующуюся в экзистенциальных переживаниях, ценностях и т.д., что также обуславливает свободу сознания и поведения человека. (Кстати, «свобода поведения электрона», выражающаяся в принципе неопределенности Гейзенберга в квантовой механике – тоже не пустой звук!)

Неклассика исходит из *двух* (и только двух) *разномасштабных* миров. В отличие от этого объект любой постнеклассической науки имеет очень сложный и как бы глобальный характер. Любой мир есть «мир миров» – вот, как мы полагаем, основной постулат постнеклассики! (Кстати, неплохо бы здесь вникнуть и в этимологию слова *Вселенная* – буквально его значение можно осмыслить как «нечто, имеющее ленное право (т.е. право вечного владения) над всем».)

Таким образом, *первая основная характеристика постнеклассической научной рациональности* – *переход к познанию «глобальных объектов»* (В.С. Степин, Л. А. Никитич и др.).

Мир – социокультурный, внутренний или любой другой, даже физический мир есть глобальное *единство многих миров-пространств*.

По Л. А. Никитич, *объектом постнеклассической науки*, с середины XX в. впервые стали вся Земля, все живое (биосфера), Вселенная в целом и т.д.; то есть это то, что относится к проблемам глобальной экологии, новейшей космологии и других наук [14]. (Здесь можно вспомнить и компьютерные модели «Мир-1», «Мир-2», «Мир-3» Римского клуба футурологии.)

Та же теория *суперструн* (или просто *струн*) в физике и космологии исходит из того, что, начиная с Большого Взрыва, существуют и эволюционируют в каких-то своих взаимосвязях и взаимо-переходах миры-

пространства разного числа измерений, но для человека *наиболее ценным* и важным является привычное нам четырехмерное пространство-время, ибо только в нем может существовать человек!

Глобальный характер объекта культурологии (как мира миров), справедливо относимой М.С. Гусельцевой к числу постнеклассических дисциплин, сейчас также не подлежит сомнению. При этом культурологами признается идея «общечеловеческих ценностей» (а они не есть то, что утверждается с позиций силы!), которые можно трактовать как *универсальные измерения мира человеческих социокультурных миров, результат равноправного диалога цивилизаций и т.д.*

К *глобальным*, структурно сложным и «многомирным» объектам можно отнести и социокультурное Бытие человека (как мир бесконечного числа социокультурных миров разного уровня и масштаба), давно уже «стоящее под вопросом». За его сохранение (как и за его *подлинность*) по-своему ответственна и психология (как и педагогика и психотерапия!).

Идею мира миров мы находим в психологии даже у Б.Г. Ананьева и его последователей, когда мир той же индивидуальности признается как «интегративное объединение» (по удачному определению А.Г. Асмолова) мира индивида, мира субъекта деятельности и мира личности.

Вычленение многих важных черт постнеклассической психологии мы находим сейчас в анализе особенностей этого стиля мышления (отчасти небесспорном) у Т.В. Корниловой (которая, по-видимому, исходит из идей О.К. Тихомирова) и у М.С. Гусельцевой.

Введение аксиологических (ценностных) факторов в объяснительные модели (Л. А. Никитич) – это *второй* из основных признаков постнеклассической науки [14, с. 234]. Он едва ли не единственный, признаваемый сейчас большинством авторов.

То, что общезначимые ценности (в форме личностных ценностей) сейчас внедряются во многие модели личности в гуманистической, «вершинной» психологии (А. Маслоу, В. Франкл и многие другие) является выражением этой тенденции в постнеклассической психологии.

Согласно Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнову, «внесение ценностного компонента в психологические теории отражает не столько специфику гуманитарной парадигмы в психологии, сколько связь их с общим изменением подходов к пониманию человека и его места в мире в период постнеклассической науки...» [10, с. 429-430].

Как говорил Ф. Кастро, «в душе каждого из нас живет история». История (культуры, науки) живет и в каждом из течений, направлений современной психологии – в том плане, что одни из них сохраняют связь и преемственность с классической научной рациональностью, другие – с неклассической и т.д. Оседая *в разное время* в устойчивом пространстве науки (это понятие на самом деле является достаточно сложным для понимания), развиваясь в нем далее, они *продолжают* определенным образом сосуществовать, а иногда и отсылать (апеллировать) друг к другу. Они не самодостаточны и одновременно в чем-то

самодостаточны, что порождает противоречия, разрешимые на базе того же *принципа дополнительности*.

Нужно сказать, что современные историки психологии не сделали почти ничего для *детального анализа* психологических концепций в аспекте того типа научной рациональности и культуры (стиля мышления), в недрах которого они сформировались или формируются.

Действительно, кто из *историков психологии* детально анализировал конкретные психологические концепции (начиная с Декарта и кончая XXI веком) с позиций установок *классической науки*? Здесь принес бы немалую пользу детальный *мета-анализ* (термин Т.В. Корниловсой) *бихевиоризма* и *когнитивной психологии* в аспекте классической научной традиции (к которой их иногда относят), экзистенциальной и культурно-исторической психологии Л.С. Выготского – в аспекте неклассической (правда, это проделано многими исследователями Выготского).

Почти в зародыше сейчас находится и разработка вопросов *интеграции типов научной рациональности* в психологии. Идеи постнеклассической психологии пока не могут достаточно непротиворечиво раскрыть и вписать в *единую* картину психической реальности. Ее становление связано с большим числом трудностей. Начнем с того, что существующие тесты «на ценности личности» (тесты Рокича, Шварца), которые на деле присутствуют лишь у 1% населения (кстати, психологи тут не исключение!), весьма некорректны.

Ценности осмысливаются в искаженном виде – *и потому неклассическая психология не обрела еще самостоятельной жизни и замутнена всякими внешними влияниями*.

Единое видение внутреннего мира человека с позиций синтеза четырех типов научной рациональности (каждое течение или парадигма может быть вписано в одну из них) не сложилось именно потому, что постнеклассическая методология в психологии сейчас еще очень слаба, имеет мало влияния да и сторонников. И это понятно: 1% (если исходит из Маслоу) ценностно-ориентированных личностей в составе сообщества психологов – это все-таки очень мало! (Тут можно назвать и другие препятствующие факторы.)

Ситуация сейчас чем-то напоминает случай, когда мы одну из линз стереоскопа, предназначенных для рассматривания стереопары, поцарапали и заляпали, а потом еще удивляемся, почему у нас не получается «объемного видения» *реального объекта*, изначально зафиксировавшегося на этих слайдах!

Интегративная методология имеет большой (еще не раскрытый) интегративный потенциал именно потому, что *любые ценности* в ходе их утверждения являются основой «событийных» изменений в социуме и культуре (Г. Риккерт). В то же время нельзя забывать, что общечеловеческие ценности – это лишь конечный итог *равноправного* диалога цивилизаций (а он пока идет очень трудно), так что мы вправе говорить и об особых ценностях локальных (достаточно масштабных) сообществ людей (по Д.А. Леонтьеву ценность аккумулирует духовный опыт больших социальных групп, а В. Брожик неслучайно заканчивает свой известный трактат о ценностях сюжетом о «родине человека»). Именно родина людей в широком смысле слова (не

обязательно страна) – это тот *культурный* ареал (общность), в котором зарождаются любые ценности, – это может быть даже какая-то *локальная цивилизация* (государство же является не культурной, а политической общностью).

Гуманистические ценности наших психологов и вообще ученых-«гуманитариев» (точнее, какой-то их части) в той мере, в какой о них можно говорить, в своих особых чертах порождены *атмосферой их родины*, каковой для нас является территория евразийской цивилизации, а для европейского человека – западно-европейской и т.д.

Да, вполне возможно, что существуют некоторые *универсальные* составляющие или аспекты научного знания, например, «логические ценности», или просто «логика», выступающие основой общечеловеческого научного знания (на чем особо настаивал Б.Ф. Поршнев). Вполне допустимо, что в состав этих ценностей входит и научная порядочность, добросовестность, полное неприятие заимствования из чужих работ.

Хотя фрагменты *собственных работ* ученых все же может использовать, поворачивая их в новом ракурсе. М.М. Бахтин говорил, что в науке (в отличие от искусства) *в принципе* не может быть отдельных произведений! Возьмем простой пример – опираясь на доказанную им теорему, опубликованную в малоизвестном издании, математик может *полностью повторить ее* (и даже ее доказательство) в других своих статьях, выводя из нее все новые и новые следствия!

Как бы то ни было, ценности определенного, достаточно *масштабного* (не ограничивающегося территорией одной страны) сообщества относительно локальны – привязаны к «атмосфере» жизни, бытия конкретной цивилизации, например.

И тут надо вспомнить, что существует такое методологическое понятие, как «проблемное поле науки». Ученые, живущие в атмосфере конкретной общности (цивилизации и т.д.), имеют дело с целым ворохом *особых* жизненных (а значит и научных) проблем, которые они должны как-то у себя решать.

Хотя многие основные понятия науки интернациональны (например, по тонкому замечанию И.А. Мироненко, в психологии понятие личности «вполне интернационально» [13]), но существует ряд понятий, которые как бы *почти не нужны* западной науке (или же *не востребованы* ею).

Это, например, понятие характера, встречающееся практически только у Фромма и Олпорта (хотя античная цивилизация породила целые трактаты о характере!), а также человека как *индивида* и особенно понятие человека как *субъекта деятельности*, введенное Б.Г. Ананьевым. Эти понятия обычны для постсоветской психологии (так что вряд ли от них нам нужно отказываться). Тут есть свои особые проблемы, но каким образом в контексте данных рассуждений надо определять «ценность научной работы ученого», если мы видим *пере-акцентировку даже некоторых основных понятий науки*?

Без привязки «ценности» (т.е. *реального значения работ ученого*) к конкретному социокультурному миру большого масштаба, к проблемам,

которые он прямо или косвенно решал, тут не обойдешься. Отсюда следует, что само понятие «ценность» в форме «ценности научной работы» не может носить какой-то глобальный характер и операционально определяться *западными*, пусть даже действующими «в масштабах всего мира», гигантами, типа *Google, Reuters* и т.д. и т.д.

Каким образом наукометрия (или просто Министерство образования и науки страны) может определять ценность научной работы конкретного ученого, если *само понятие ценности* не только в этой сфере, но и в других областях социальной жизни или жизни личности *четко не выявлено*, отличается нечеткостью, рыхлостью (на чем мы еще остановимся)? Однако упомянутые выше способы определения «ценности» работ ученого и преподавателя со стороны министерств науки и образования в некоторых государствах ЕврАзС (в частности, в Казахстане) являются сейчас очень жесткими (вплоть до последующих оргвыводов).

Из сказанного ясно, что *интегративная стратегия в разработке научно-психологических* (и любых гуманитарных) проблем должна строиться *не просто как коммуникативная стратегия* (В.А. Мазиллов), а включать в себя заботу психологического сообщества о стимулировании и кристаллизации общих для евразийского пространства гуманистических и иных *ценностей*. А просто общаться (в рамках обычных конференций, конгрессов, симпозиумов и т.д.) ученые наших стран могут очень долго и без особого результата! (Это тот случай «неподлинного» совместного бытия ученых, который Хайдеггер называл бесконечным «растолковыванием».)

Здесь можно остановиться также на интегративных процессах в *естественных науках*, например, в физике.

В начале XX века встала задача объединения *классической* физики, справедливой для масштабов *макро-мира* и относительно малых скоростей, и физики *неклассической* (квантовая механика, раскрывающая механизмы взаимодействия вблизи планковских масштабов расстояний, и специальная и общая теория относительности, применимые к области субсветовых скоростей и высоких гравитационных потенциалов и ускорений).

Великие объединители физики были заняты объединением не «традиций школ», о которых сейчас так много пишут, а перспективных научных идей, отыскивая их всюду и двигаясь в направлении синтеза классических представлений и зарождающихся неклассических (сейчас же формируются уже постнеклассические представления!) Так, один из создателей квантовой механики Нильс Бор сначала проходил стажировку в Кембридже (в свое время там работал Исаак Ньютон), в лаборатории Дж.Дж. Томсона, затем наступил Манчестерский период его творчества (школа Резерфорда). Однако при создании своей квантово-механической модели атома Бор опирался не только на частные наработки этих школ, но привлекал идеи Макса Планка (Берлинская школа и т.д.) [1].

Категориальное видение самого предмета психологии (под ним можно понимать внутренний мир человека) также очень не помешало бы в деле интеграции психологии, ибо еще Кант видел «синтетическую» природу

обобщенных понятий и категорий науки. Приходится только сожалеть, что мы давно уже не видим историков психологии масштаба с М.Г. Ярошевского, уделявшего серьезное внимание формированию (вычленению) базовых психологических категорий (мотив, образ, действие, общение плюс сама личность), а также трансформации стилей мышления на протяжении всей истории и предыстории психологии [19]. Отсутствие должной *философско-методологической культуры* у значительной части современных психологов, их неспособность глубоко понять особенности той *картины мира* (как мира вообще, так и мира личности), которые предполагает классическая, неклассическая и все иные типы научной рациональности, является немалым тормозом в деле интеграции психологического знания.

Часто говорят, что в неклассической науке большую роль играет субъективный фактор (роль наблюдателя в физических экспериментах по элементарным частицам т.д.). Но в постнеклассической психологии роль субъективного фактора (конечно, это надо понимать не упрощенно) *едва ли не больше*, ибо здесь признается, что сам психолог должен обладать какими-то ценностями (в том числе профессиональными, да и просто общечеловеческими) хотя бы тогда, когда мы говорим об «этике практического психолога», гуманизме в психологии или исследовании ценностей с опорой на самонаблюдение и т.д.

Вводить ценности в состав психологической модели личности весьма затруднительно, если психолог сам как личность не обладает высшими ценностями. Именно их интуитивное видение является одной из важных предпосылок создания адекватного научно-психологического понимания феномена ценностей в психологии.

А с самим этим *пониманием*, как мы уже говорили выше, сейчас дела обстоят тоже неважно. Возьмем для примера только сферу психологии.

Одни психологи понимают под ценностями «все, что люди считают для себя ценностями», то есть сводят ценности к каким-то мнениям, что, как известно, недопустимо (Д.А. Леонтьев); другие, ничтоже сумняшеся, понимают под «общечеловеческими ценностями» физиологические потребности, ибо они-де есть у *всех* людей. А еще один, в общем-то глубокий исследователь отчуждения человека в сфере труда, Н.С. Пряжников, пишет буквально следующее: «И все-таки можно выделить ценность, на которую ориентируются большинство людей... – это деньги и, прежде всего, доллары» [17, с. 84]. Наконец, существуют и такие воззрения, когда признаются некие «ценности-средства» (к ним, кстати, можно отнести все те же материальные ценности!), хотя это полностью противоречит положением философской аксиологии. Как ясно читателю, подобные осмысления ценностей не отличаются глубиной.

Такое плачевное положение дел как со строгим пониманием ценностей в рамках психологических моделей, так и отчасти с самим наличием их у психологов, включая психологов-практиков, по сути дела нетерпимо. Оно не позволяет постнеклассической психологии «встать на ноги» и содействовать интеграции и *ценностной оценке* значения конкретных положений

психологических концепций, относящихся к самым разным типам научной рациональности, начиная с классической традиции (а это позволило бы *хотя бы отчасти отсеять «шелуху»!*). Тем самым большой интегративный потенциал постнеклассической психологии пока оказывается невостребованным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данин Д. Приобщение ко времени //Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. Сборник 10. – М.: Советский писатель, 1973. – 480 с.
2. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – Изд. 3-е, дополн. – М. : АРКТОГЕЯ-центр, 1999. – 928с.
3. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. – М.: Институт психотерапии, 2005. – 544 с.
4. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности – М.: Психотерапия, 2007 – 528 с.
5. Козлов В.В. Психология творчества. Свет, сумерки и темная ночь души. М.: ГАЛА-издательство, 2009. – 112 с.
6. Козлов В. В., Власов Н. А. Психология внушения и внушаемости. М.: МАПН, Институт консультирования и системных решений, 2018. — 276 с.
7. Козлов В.В., Мазиллов В.А., Петренко В.Ф. Методология психологии сегодня // Методология современной психологии. 2017. № 7. С. 3-6.
8. Козлов В.В. Основы духовной психологии: высшие состояния пробуждения. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2018. – 280 с.
9. Козлов В.В., Донченко И. Психология успеха: жизнь с вершины (монография). – Запорожье: СТАТУС, 2019. – 144 с.
10. Корнилова Т.В. Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. 2-е изд. – М. : Изд-во Юрайт, 2011. – 483 с.
11. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017. – 419 с.
12. Майков В.В., Козлов В.В. Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Том 2. Российский трансперсональный проект (3-е издание, исправленное и дополненное). Москва, 2007. – 424 с.
13. Мироненко И.А. Субъект и личность: о соотношении понятий //Методология и история психологии. – 2010. – №1. – С. 140-155.
14. Никитич Л.А. История и философия науки. – М.: ЮНИТИДАНА, 2008. – 335 с.
15. Петренко В.Ф. Многомерное сознание. Эксмо. М. 2014 – 448 с.
16. Петренко, В. Ф. Психосемантика искусства. – М.: Макс Пресс, 2014. – 320 с.
17. Пряжников Н.С. S#\$ или личность в эпоху продажности. Учебно-методическое пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2000. – 224 с.

18. Шадрин Н. С. Проблема детерминации (самодетерминации) поведения в культурно-исторической и экзистенциальной психологии // Культурно-историческая психология. – 2012. – № 2. – С. 113-122.

19. Ярошевский М. Г. История психологии. – М. : Мысль, 1985. – 575 с.